

В. П. Раков

ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА (О книге доцента Д. Смирнова¹)

Книги пишутся по-разному. Одни из них рождаются из собранных исследователем материалов и источников, выстроенных по избранной автором логической схеме. Подобные издания, не выходящие за рамки профессионального стиля, хороши тем, что соответствуют нормам «литературы по теме». В других же сочинениях читатель находит ту же энциклопедическую полноту источников и значимых фактов, столь же ясные, как сейчас говорят, пафосные линии и четкую систему координат, в которых рассматривается та или иная проблематика. Кажется, что вопрос о том, чем же отличается один тип исследований от другого, вроде бы и неуместен. Однако это не так, совсем не так. Стиль второго автора не похож на стандартные образцы, принятые в современном научном дискурсе. И дело здесь не в формальных отличиях письма в срезе образности и цветистости выражений — этого наука не терпит, а совсем в другом — в иной призме восприятия изучаемой темы, которая в глазах автора предстает в своей многогранной противоречивости и стереоскопическом богатстве смыслов. И есть еще одна, едва ли не главная, особенность такого взгляда ученого на вещи: что бы ни попало в горизонт его внимания, все осеняется идеей человековедческого плана и получается так, что любая, даже самая абстрактная мысль кажется нам лю-

---

© Раков В. П., 2009

Раков Валерий Петрович — доктор филологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Интеллигенция и мир».

бопытной и остро актуальной. Как-то Я. Голосовкер заметил, что *интересное* есть элемент *чуда* и потому-то последнее хочется созерцать и постигать, испытывая чувство наслаждения. Не об этом ли писал Р. Барт в статье «Удовольствие от текста»?

Книга, о которой пойдет речь, вызывает у меня гедонистическую реакцию, хотя прямо и не связанную с моей профессией: сочинение Д. Смирнова — философское, я же — филолог, ну, и, если вспомнить то, что записано в моем университетском дипломе, еще и историк. Поэтому читателю этих строк вряд ли стоит ожидать квалифицированной рецензии на труд ученого. В силу вышесказанного, мой отзыв — это суждения дилетанта, увидевшего в трактате коллеги «с другого берега» то, что интересно человеку, не чуждому склонности к теоретизированию на темы эстетики и литературоведения, а также, правда, не часто, заглядывающему в фолианты по истории своего Отечества и зарубежных стран.

Для всякого гуманитария небезразлична тематика, избранная Д. Г. Смирновым. Как видно из названия сочинения, тут речь идет о проблемах, неотъемлемых от изучения истории человеческого духа. Такие термины, как семиология и рядом с нею стоящая семиотика, в последние десять-пятнадцать лет — семиосфера, а еще ранее того — биосфера и дискурс, подчиняясь закону филиации идей, интенсивно расширили пространство своего функционирования. Процесс этой своеобразной языковой глобализации не только неизбежен, но и плодотворен, обеспечивая возможность таких исследований, в результате которых возникает ценный опыт осмысления межпредметных областей знания.

В книге внимательнейшим образом рассматривается вопрос о внутренней, можно сказать так: органической связи понятий биосферы, ноосферы и семиосферы. Я высоко ставлю стремление ученого ввести эти понятия в контекст *целого*, что позволяет найти для последнего обобщающий термин — ноосферология.

В наше время, когда устрашающими темпами происходит дифференциация отраслей знания и даже смежных областей внутри них, не мешает вспомнить некоторые яркие эпизоды из истории научной мысли. В качестве примера приведу сочинение А. Белого «История становления самосознающей души». Текст этого произведения остается не освоенным. Ни философы и эстетики, ни филологи, которым надо было бы это сделать в первую

очередь, не успели вникнуть в методологию и теоретическую глубину названного шедевра — не только поэта и прозаика, но и оригинального русского мыслителя. Тут дается широкая и объемная картина исторического становления человеческой индивидуальности во всем разнообразии ее характерных черт. У А. Белого мы наблюдаем подвижную и гибкую способность воссоздавать изучаемый предмет в его целостности, что, по мнению автора, является первой задачей всякого знания. В «Истории...» представлены исследовательские стратегии, выраженные в *дискурсе природы*, в *дискурсе человеческого тела* и, наконец, в тактике подхода к ментальным уровням культур, в контексте которых возрастает человеческое «Я». Надо ли говорить о том, что сочинение А. Белого упомянуто мною не случайно: монография Д. Смирнова написана почти в той же системе методологических параметров: ведь в ней повествуется о биосфере, ноосфере и семиосфере в их, как уже было замечено, онтологической нераздельности. Хороший урок для историков литературы и искусства, а также культурологов, которые при изучении, например, стилей и направлений в творчестве далеко не всегда могут справиться с задачей воссоздания целостной идеи этого, иногда пестрого, множества. Концепция *взаимоупора* различных типов образного и научного мышления, выдвинутая С. Аверинцевым в его трудах о византийской культуре, реализуется в рецензируемой книге, но, разумеется, в формах иного, философского, семиозиса.

В некоторых течениях мысли утвердился взгляд на культуру как духовную форму, принципиально удаленную от природы. Построения Д. Смирнова реагируют на подобные схемы заостренно полемически. Вспоминается, что тот же Я. Голосовкер в эссе «Миф моей жизни» ставил цель «вернуть духу его место в единстве природы и культуры». Он шел дальше и даже утверждал: «Дух не что иное, как *инстинкт*». В книге анализируется сложная фабула отношений между природностью и ментальными глубинами культуры. Перечисленные «-сферы» составляют морфологию пирамиды — именно так исследователем выстраивается космопланетарная фигурность бытия. Вершинной точкой тут выступает образ *человека* с его созидательным потенциалом. Это — не только необходимая правда и красивая геометрия (что, заметим, задолго до нашего времени было запечатлено в философии и

художественной литературе), но и поучительная аксиома, о которой не следует забывать ни специалисту-эстетике, ни историку и уже тем более — интеллигентоведу. Но — пойдём дальше. Жанр рецензии повелевает быть кратким и потому обратим внимание лишь на наиболее важные моменты исследования, именно второй его части, отданной рассмотрению проблем семиотики природы, затем — культуры и универсума в целом.

Читатель найдет здесь много интересного, кем бы он ни был по своей специальности. В самом деле, разве ему не понадобится знание того, что такое знак как информационный феномен?² Или осведомленность в том, что история цивилизаций фиксирует наличие доязыковых каналов информации?³ А уж суждения автора о семиотической асимметрии сознания вызовут любопытство со стороны многочисленных поклонников «острого» в науке. Привлекут внимание и такие разделы книги, как «Знак в контексте универсумной семиотики»; «Человек как знак или знак как человек?» Однако вернемся к ранее затронутому вопросу о реализации антропного принципа изучения культуры, но теперь уже взятой на уровне ее знаковой манифестированности.

Если бы мы располагали большей печатной площадью, нам было бы о чем поговорить и как можно подробнее. Но, увы, приходится ограничиться малым. Поэтому из множества имен ученых, исследования которых привлекаются автором монографии, назовем лишь самое известное в отечественной науке. Это — Ю. Лотман с его концептуальными и во многом пионерскими трудами в области семиотики культуры. Ссылками на его статьи и книги буквально испещрены писания российских литературоведов, культурологов, да и историков тоже. Из этого источника можно черпать бесконечно. И, тем не менее, назрела необходимость известной коррекции методологии Ю. Лотмана. Д. Смирнов, в частности, справедливо указывает, что функционально-морфологическое восприятие культуры — слишком узко. «При таком подходе, — пишет он, — в стороне остались некоторые существенные моменты, без рассмотрения которых картина оказывается неполной: исключительно структуралистское понимание семиосферы недостаточно», поэтому возникает надобность в том, чтобы использовать «социально-антропологический под-

ход»⁴. Исследователи, оперирующие ресурсами семиотики, должны отнести к этому замечанию как предостережению от пустого «фехтования кодов» (У. Эко).

Продвижение автора книги от одной проблемы к другой осуществляется в форме эскалации его метода в том смысле, что начальный этап их изучения (термины, общее содержание темы и т. п.) сменяется переходом к все усложняющимся спектрам идей. Так, погружаясь в пространство семиосферы, Д. Смирнов рассматривает *знак* в контексте мифа и первобытной семиотичности, затем он поднимается до уровня Символа в развитых культурах, где его семиотика представляется неохватной. Мысль исследователя дерзает разобраться в отношениях между смысловой апофатикой и личностью, что само по себе похвально, но, тем не менее, проблема слишком сложна, чтобы удостоиться лишь беглого очерка. Ясно, что в будущем автор займется ею более специально и в расширенном формате.

В отечественных гуманитарных науках идет процесс освоения новых методологических стратегий, при этом создается впечатление некоторой вторичности нашей мысли, развивающейся в алгоритме то ли гипертрофированной эмпирики, то ли в почти зеркальном повторе теоретических схем, выработанных современной западной философией. Д. Смирнов последовательно напоминает коллегам о традициях В. И. Вернадского, А. И. Вейника и других мыслителей, не чуравшихся достижений мировой науки, но, вместе с тем, развивавших собственные оригинальные концепции. Мне приходят на память слова академика П. Н. Сакулина об *икаризме* русского мышления, что тут же и подтверждается в тексте анализируемого трактата, именно там, где автор говорит о том, что я бы назвал номотетическими обобщениями. В ноосферно-семиотическом круговороте знаков, кажется, просматривается некий закон, формулу которого, как пишет Д. Смирнов, удалось вывести И. Дмитриевской: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. В книге это именуется ноосферным естественным законом, но, кроме него, есть и другой, названный универсальным семиотическим законом. Его словесное выражение таково: вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывает информацию⁵.

Эти номотетические максимы очень важны. Придет время, и ученые разных специальностей выскажут свои соображения на этот счет. Я же полагаю, что тезис о структурирующем импульсе энергии влечет за собою проблемы *ритмики* процесса и конфигуративной специфики создающейся предметности, в том числе и эстетической; этот же импульс определяет процедуру раскодировки содержания — будь оно безмысленно-морфным или осиянным семантической прозрачностью. Вполне понятно, что обращение к упомянутым законам ко многому обязывает исследователей, ведь от них требуется владение державностью разума, чтобы уметь не только что-то обобщать, но и дифференцировать, различать, классифицировать и тем самым сохранить ориентиры в гуще семиотической реальности.

Апеллируя к теории эпистем М. Фуко, Д. Смирнов — и это достойно подражания! — не отказывается от честолюбивых научных планов, когда пишет, что «при таком подходе можно пойти и дальше. Раз познавательный стиль формируется сознанием, можно говорить не только о стилях эпох, но и о стилях наций и народностей или религиозных познавательных стилях»⁶.

Несомненно, что эта идея поддержана классической наукой об искусстве и литературе, выдвигавшей формационный идеал обобщений в конце XIX — начале XX века. Ныне поэтологи говорят и пишут, к сожалению, несмело, о так называемом Большом стиле. В свое время академик Д. Лихачев исследовал системы Великих стилей. Становится ясно, что без дефиниций поэтики обойтись трудно. Я надеюсь, что в недалеком будущем Д. Смирнов вернется к намеченной им проблематике, тем более, что ему как философу есть на кого опереться, хотя бы, например, на О. Шпенглера. Но его ждут сложные вопросы. Так, придется размышлять над судьбой стилей в соотношении их с дискурсами — еще и потому, что некоторые мыслители связывают будущее культуры исключительно с развитием дискурсов, которые окончательно вытеснят стили, нейтрализуют их, заменив искусство писателя на умение скриптора. Но — довольно об этом.

Заключительные главы книги посвящены обсуждению проблем интеллигенции, что логично: ведь она — создатель теперь уже почти тотально семиотизированного универсума. В ней же практически реализован образ самого себя осознающего челове-

ка, выступающего в роли вселенского, если так можно выразиться, регулятива. Он — высшая точка культурного пирамидиона. В связи с этим Д. Смирнов напоминает слова Тейяра де Шардена: «Человек не статический центр мира <...> а ось и вершина эволюции, что много прекраснее»⁷. Хорошо сказано! Заметим, что, помимо прочего, здесь акцентирован момент эстетизма, проявляющийся в конфигуративном понимании универсума. И все это ассоциировано с интеллигенцией, то есть, буквально, с самосознающим себя человеком.

В работе освещается множество аспектов обширной темы, но мы отметим на настоящий момент самый животрепещущий из них. Речь идет об информационно-семиотическом сегменте ноосферного образования. Д. Смирнов остается верен себе, настаивая на положении о том, что образовательные процессы обязательно должны быть дополнены современной гуманитарной составляющей — прежде всего философской антропологией. Автором исследования не забыта и древняя, в частности античная, традиция, это — «пайдейя», что в переводе с греческого означает «культура», «образование», «воспитание». Греки видели в ней посредника между космосом и человеком. В книге приведенный термин употребляется в значении «доводка, шлифовка, совершенствование, воспитание»⁸ — на основе того, что в человеке заложено биосферой и импульсами ноосферности. Соглашаясь с лестницей понятий, выстроенной Д. Смирновым, пайдейя входит в состав семиософии... Я не буду комментировать содержание этой отрасли знания, надеясь, что читатель откликнется на зов собственного любопытства и самостоятельно уяснит, что это за наука.

Не могу удержаться от одного замечания, которое мне представляется весьма существенным. Анализируя структурно-семиотические аспекты универсума и отмечая эвристический потенциал связанных с ними методологических стратегий, Д. Смирнов полагает, что далеко не все из них могут служить гарантией креативного постижения знаковой реальности. О том, что подобные средства познания нуждаются в обогащении со стороны антропного принципа, уже говорилось. А далее следует развитие этой идеи. Исследователь считает, что будущее семиософии сопряжено с выработкой не только структурно-морфологического, но и целостно-организменного анализа уни-

версума, чем гальванизируется традиция, идущая из глубин античности. В философии, как и в науке, часто наблюдается схождение концов и начал. Как филолог добавлю, что упоминавшаяся выше поэтика, равно как и языкознание, активно реагирует на подобные перспективы синтеза, уходя тем самым от возможных рецидивов формализма при изучении художественных произведений в их текстовом своеобразии.

Эти заметки хочется заключить следующими оценочными соображениями.

Очевидно, что книга, читая которую, испытываешь удовольствие от текста, написана широко образованным и даровитым автором, который комфортно чувствует себя в системе различных философских систем и ментальных формаций. Многие страницы сочинения написаны с большим мастерством и не без стилистического блеска, о других достоинствах этого труда уже было сказано. Приобщим сюда и наше одобрение усилий, приложенных Д. Смирновым для составления обширного библиографического списка, имеющего большую ценность. Всякий, кто хочет войти в мир книги, будет иметь возможность увидеть его проблемно-тематические горизонты. Но нам хотелось бы высказать, с полной симпатией к автору, и некоторые критические соображения.

Вероятно, оттого, что творчество есть, по слову Л. Толстого, «энергия заблуждения», мы, пишущие люди, находимся под обаянием собственных теорий и концепций. В подобных ситуациях порою исчезает ощущение драматизма исследуемого материала. Да и чего вы хотите: идея «работает», выводы из нее «вытекают» и формулируются, убеждая нас в том, что «все гармонично». В сочинении Д. Смирнова нота некоего нечувствия противоречивости отдельных проблемных сюжетов все-таки дает знать о себе, например, там, где пишется об универсумной семиотичности в контексте глобализационных процессов. Хотя автор и задумывается над вопросами этнической идентичности народов, особенно малых, об угрозе нивелирования форм национального быта, обычаев и религиозных ритуалов, его мысль, тем не менее, движется в изначально заданном русле. Не напоминает ли эта редукция экзистенциально важной проблематики о попытках создания единого языка, оказавшихся заурядной утопией? Думаю, что — нет, не напоминает, но все же...

Выше я отметил четкую структурированность книги и ее частей. Однако при переиздании этого труда надо бы устранить излишнюю дробность повествования, где встречаются чрезмерно краткие параграфы и разделы. Читаешь их названия и думаешь: вот сейчас узнаю о том-то и о том-то. Ан нет: узнаёшь только о чем-то одном, а о другом, что могло бы углубить предыдущее, — ни слова. Помни поучение: восхищаясь и любопытствуя, не обольщайся!.. Впрочем, мои лирические вздохи ничуть не преуменьшают актуальности и ценности превосходно выполненного исследования, но лишь подтверждают истинность слов В. Набокова о том, что хорошая книга своей последней страницей не кончается, а продолжает жить в трепете читательской мысли...

Приятно констатировать, что труд Д. Смирнова создавался в атмосфере творческого содружества двух сообществ — кафедры философии и НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Хочется надеяться, что этот союз и в дальнейшем будет плодотворным, а его результаты — столь же высокого качества, как и монография, побудившая меня, хотя и к дилетантским, но, может быть, для кого-то небесполезным размышлениям...

Примечания

¹ *Смирнов Д. Г.* Семиософия ноосферного универсума : ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 103—104.

⁶ Там же. С. 175.

⁷ См.: Там же. С. 154.

⁸ Там же. С. 306.